

Михаил Евгеньевич Афонин родился в 1974 году. По образованию — горный инженер. Живет и работает в Донецке. Прозаик, поэт, литературный критик, редактор. Соавтор многих поэтических сборников: «Час мужества», «Воля Донбасса», «Юзовка Сталино Донецк» и других, изданных в Российской Федерации, ДНР и ЛНР. Член Союза писателей Донецкой Народной Республики.

Михаил Афонин

СТЕПНАЯ СВАДЬБА

Рассказ

В памятном олимпийском 1980-м году мне было шесть лет. Понятно, что я считал себя взрослым мужчиной и наравне с отцом смотрел спортивные соревнования. Я повторял все отцовские жесты и даже иногда словечки, после которых мама прибежала из кухни и шлепала меня по спине кухонным полотенцем. Отец, в те дни бывший в отпуске, был простым шахтером и в выражениях не стеснялся. Можете представить, что я за ним повторял. А мне что? Говорю же, шесть лет мне было.

Смотреть по телевизору, как улетает олимпийский Мишка, мы собрались всей семьей. Помню, мама даже плакала. Сентиментальная она у меня.

— Слушайте, семья, а почему бы нам не рвануть к Рае... — Передача закончилась, и отец выключил телевизор, «чтоб не перегревался». Рая — это моя тетка, сестра мамы.

Чтоб вы понимали, телевизоры были тогда совсем не такими, как сейчас. У нас стоял огромный, по тем временам, конечно, кинескопный. «Радуга», наверное, потому что цветной.

— Поедем. Мишка, поедем в Седово? — Это значит — на море, тетя жила в этом славном поселке. И мама моя тоже родом оттуда. Это в Донецкой области, а в Донецке она когда-то училась в техникуме, да тут и осталась.

Мишка — это я, только шестилетний. Сейчас меня уже так не называют, все больше Михаилом, да еще и с отчеством. Конечно, я тогда обрадовался. Во-первых, море, а во-вторых, не нужно ходить в детский сад. Помню, в детстве я завидовал школьникам — у них каникулы, весь день во дворе, а меня водят в садик, не погуляешь толком...

Через пару дней отец завел наш оранжевый «Москвич», и мы поехали.

Море для шестилетнего пацаненка — всегда праздник. В воде я сидел с утра до вечера. На берегу грелся, только когда мама буквально за ухо вытаскивала меня на песок:

— Губы уже синие! Посиди, пока трусы не высохнут!

И я сидел. Слушаться маму — святое дело. Тем более, когда отец из-под бровей смотрит на твое поведение.

А однажды у тети Раиных соседей была свадьба. Роман, соседский парень лет двадцати, наверное, женился на Светлане. Она была из Донецка.

Я, конечно, пошел на это дело смотреть. Больше всего меня удивило, что весь двор (свадьбы в поселке праздновали не в кафе-ресторанах, я даже не знаю, были ли они там в то время) был устлан травой. По одной стороне — ковылем, а по другой — травой, название которой я не знал.

Когда молодожены приехали после «росписи», родители Ромки и его теперь законной жены встречали своих детей не с караваем, как это принято в городе, я видел много раз, а с охапками такой же травы, которая лежала во дворе. Родители Романа стояли с ковылем, а родители девушки — с той другой травой.

А дальше — все как обычно, как принято и у нас в городе: поздравления, танцы, песни. Я, пока родители сидели за столом, с другими ребятами сбежал на море. А что мне на гулянке делать? Еще мал я был свадьбы отмечать.

Потом был второй день свадьбы, потом третий... В поселках свадьбы часто длились и дольше. Там же все родственники, считай, все друг друга знают.

О том, почему двор перед свадьбой был устлан травой, я узнал совсем недавно. И это меня не просто удивило, а я был ошеломлен глубоким смыслом обычая и его историей. Вот тогда-то и всплыли воспоминания детства, то, о чем я уже говорил.

Про ковыль все знают, его узнает любой. Вторая трава, что держали в руках родители невесты и лежала на земле, называется типчак. Ее многие видели, но не знают названия. Растут и ковыль, и типчак в Хомутовской степи. Именно оттуда они попали на празднование, и именно там их нужно брать для этого дела.

Появился «травный» обычай в те далекие времена, когда степь топтали русичи и половцы. Воевали они, понятное дело. Вот с этой войной и связана легенда.

Как-то остановились в Хомутовской степи два враждующих отряда — русичи и половцы. И те, и другие не знали, сколько у врага воинов, сколько лошадей. Нужна была разведка, это если по-военному. А по-другому и не скажешь.

Русичи отправили в стан врага лучшего разведчика — юношу по имени Ковыль. Половцы же тоже не оставили разведку без внимания. Понимали ее важность. От них в сторону русичей тоже пошел лазутчик. Правда, не юноша, а хрупкая девушка по имени Типчак. Посчитали, значит, басурмане, что ей будет легче остаться незамеченной. Росточку-то в ней было всего ничего. Как бы сказали сейчас, она была девушкой миниатюрной.

И надо же было такому случиться, натолкнулись эти разведчики в степи друг на дружку. Выходит, велика степь, да места в ней мало.

Девушка пыталась от русича убежать, да куда ей! Парень быстро ее догнал и связал. Да вот только когда Ковыль разглядел, что перед ним не вражеский воин, а девушка с бездонными черными глазами, не смог держать ее связанной. Очень она ему мила оказалась.

Типчак тоже не осталась равнодушной к Ковылю. И хоть не знали они языка друг друга, это не помешало им провести ночь вместе.

Утром и русичи, и половцы, не дождавшись своих разведчиков, выдвинулись навстречу друг к другу. И на полпути и те, и другие, увидели в степи влюбленную пару. Крепко обнявшись, юноша и девушка спали. А потом поженились — тут все, как положено в легендах.

На месте, где ночевали русич Ковыль и прекрасная половецкая девушка Типчак, выросли травы. Как вы понимаете, это ковыль и типчак.

С тех пор на свадьбах принято дарить травяные букеты: ковыль со стороны жениха и типчак — со стороны невесты.

Я, когда был маленький, не видел, что перед первой брачной ночью молодые оба подаренных букета смешивают и крепко связывают в один. А во дворе трава, если помните, она лежала по разные стороны, постепенно смешивается под ногами гостей. Особенно, я думаю, в моменты безудержных сельских танцев.

Своей жене на каждую нашу годовщину я теперь дарю букеты из ковыля и типчака. Специально для этого в Хомутовскую степь езжу. Много травы не беру, конечно. Природу беречь надо.

Супруга же моя легенду про влюбленных знает и всегда улыбается, когда я приношу ей эту пахнущую бескрайней степью охапку. Понимает: если принес, значит — люблю. И она, конечно, права.

